

Женщина примерно того же возраста, что и отец. Я продолжал листать страницы все дальше и дальше назад во времени. Мать молодела с каждым снимком, как и отец и эта другая женщина. Появлялось все больше изображений этой странной женщины и отца, все меньше - матери. Все больше и больше лет отсчитывалось назад, пока не стало ясно, что эта женщина на самом деле была моей бабушкой - их свадебные фотографии говорили сами за себя. Я никогда ее не знал. Я даже не знал, что она существует и как выглядит. Мне никогда не приходило в голову спросить, я думаю, а мама никогда не утруждала себя уведомлением меня... До тех пор.

Затем я перевернул страницы в обратном направлении, возвращаясь назад во времени. Все они были счастливы и любили друг друга на каждой фотографии, это было очевидно. Когда моя бабушка перестала появляться на фотографиях, в глазах моих отца и матери появилось выражение, которого я раньше не замечал. Это был взгляд напряженного счастья, боли, которая медленно утихала и смягчалась только их близостью и любовью. Однако прошло несколько лет, пока они были одни, и их глаза наполнились новым выражением. Счастье вернулось, только теперь они были вдвоем. На этих фотографиях мать была старше, возможно, ей было около 18 лет, и когда начали появляться фотографии меня младенцем, я мог видеть, что любовь в их глазах была любовью, которую они разделяли друг к другу.

Монетка наконец упала, и я в шоке захлопнул альбом. Я не вскакивал со стула и не разыгрывал спектакль; я просто смотрел на свою мать в ошеломленном молчании, пока до меня доходил весь смысл того, что показали эти фотографии. Мы очень долго смотрели друг на друга в этой тишине, она смотрела, как я думаю, а я думал о том, как мне следует относиться к ней.

Наконец, она нарушила молчание, говоря:

- Я давно хотела сказать тебе это, Конрад, но я никогда не могла придумать, как это сказать. Я думаю, сейчас это лучший способ. Твой отец, Конрад, был и МОИМ отцом.

Она задумчиво вздохнула и подождала, когда я взорвусь. Когда я этого не сделал, она медленно выдохнула с явным облегчением.

- Вот почему я ни с кем не встречалась после того, как он... после того, как он ушел. За всю мою жизнь он был единственным мужчиной, которого я когда-либо знала и любила. Я любила его с момента своего рождения, я любила его, когда умерла мама, и я любила его, когда достигла совершеннолетия, чтобы познать прикосновения мужчины. Все мои годы он был моим отцом, моим другом и моим мужем, и он ВСЕГДА был рядом. Пока его не стало. Я думала встречаться с другими мужчинами, но поняла, что не могу заставить себя сделать это. Сначала, да, нужно было подумать о тебе, но не так, как ты можешь подумать. Твой... НАШ отец очень, очень любил нас обоих, и то короткое время, которое тебе довелось провести с ним, было особенным. Я не хотел, чтобы твои воспоминания о нем каким-то образом были вытеснены новыми воспоминаниями о каком-то другом мужчине. И воспоминания, которые у меня были с ним, были такими же драгоценными. Я обнаружила, что не заинтересована в том, чтобы впускать в свою жизнь другого мужчину. Тот, кто создал меня и кто также создал тебя... он был достаточно мужественным. А потом появился ты, в совершенно другом смысле. Когда ты стал старше, ты стал мужчиной в моей жизни, сынок. Если хочешь, взгляни еще раз на те фотографии, где он и мама моложе. Ты увидишь себя на этих фотографиях. Ты похож на него во многих отношениях, временами кажется, что он никогда и не уходил. Ты никогда не знал его так, как знала я, сынок, но ты знаешь его таким, какой ты есть, таким, как ты живешь. Он

сияет в твоих глазах и действиях на ежедневной основе. Итак... в некотором смысле, он никогда по-настоящему не покидал нас. Так зачем мне вообще нужен другой мужчина, когда у меня был он... а потом ты?

Я позволил этому перевариться в голове на мгновение, а затем, наконец, обрел дар речи.

- Как... как это началось? – спросил я.

Моя мать закрыла глаза, сосредотачиваясь. Несколько секунд она молчала, а затем все это вырвалось из нее.

- Когда я был подростком, мама начала болеть. Это тоже не было похоже на обычную болезнь. Она начала чувствовать слабость и опустошение, как будто всего несколько часов бодрствования для всех остальных были для нее все равно что бодрствовать несколько дней подряд. Она не могла поднимать так много, двигаться так быстро или мыслить так ясно. Все в ней... замедлялось, я думаю. Мы с отцом не знали, что с этим делать, пока у нее не начались обмороки. Она стояла, разговаривала с нами о том или ином деле и вдруг просто падала без чувств. Отец отвез ее в городскую больницу на несколько дней обследования. Я была здесь, совсем одна, в течение тех нескольких дней, не понимая, что происходит. Когда они вернулись, у них, наконец, был ответ на то, что было не так. Это был рак. Ты должен понимать, тогда были 60-е. В те дни рак был... никто не произносил этого слова, как будто простое произнесение этого слова каким-то образом причинит вам боль, как само упоминание рака сразит любимого человека. Люди умирали от него направо и налево. Врачи знали, что это такое, но понятия не имели, как это лечить, не говоря уже о борьбе с ним. Это было похоже на тот новый вирус, о котором говорят в Африке, тот, что вызвал панику в Рестоне, Вирджиния, в прошлом году. Эбола. Ходячая теория заключалась в том, что диагноз «рак» означал смертный приговор. Из тысяч выживала лишь горстка, и никто не знал, как и почему. Честно говоря, это всех чертовски напугало. Когда мама и папа вернулись с новостями, казалось, что вся жизнь, смех и счастье в нашем доме были заменены всем, что связано с раком, в считанные дни. Боль. Сомнение. Страх. Это поселилось здесь, в то время как все хорошее, казалось, уехало в отпуск. Потребовалось около года, чтобы мама наконец умерла. Мы изо всех сил старались обеспечить ей комфорт, но тогда наши возможности были немного ограничены. Богатство, похоже, не имело значения, когда речь шла о раке. Медицинская наука просто не разобралась с этим настолько, чтобы ЭТО имело значение для КОГО-ЛИБО. Так что мама просто... медленно угасала, превращаясь в ничто. К концу, я думаю, и папа, и я были просто рады, что для нее все закончилось. Мы ненавидели видеть, как ей больно, и не могли ничего с этим поделать. Однако за несколько месяцев до ее смерти, когда она окончательно была прикована к постели, она привела нас обоих в свою комнату и поговорила с нами. Она сказала нам, что глубоко любит нас обоих и видит, какие последствия оказывает на нас ее болезнь. Она не хотела, чтобы мы страдали больше, чем мы хотели, чтобы страдала она. Папа был в растерянности, а я не находил слов. Но она продолжала говорить. «Я хочу, чтобы вы двое были рядом друг с другом, - сказала она нам. - Что бы со мной ни случилось, я хочу знать, что вы всегда будете любить и поддерживать друг друга во всем. Вы оба были подарком для меня, и, в конце концов, я уйду. Когда это произойдет, мне НУЖНО, чтобы вы двое научились быть подарком друг другу». Я никогда в жизни не забуду этих слов.

Моя мать сделала глубокий успокаивающий вдох, собираясь с духом. Пара слезинок скатилась из уголков ее глаз, и она вытерла их, прежде чем они успели скатиться на тонкую, изящную линию подбородка. Затем она продолжила:

- Итак, когда она умерла, мы были рады за нее, но мы с папой были просто разбиты. Из-за... того, как мы живем, все, на что нам приходилось полагаться, - это друг на друга. Нам

потребовалось несколько лет, чтобы справиться с этим, но мы сделали все возможное, чтобы выполнить ее желания. Когда ее не стало, я стала хозяйкой в доме. Я продолжила с того места, где она остановилась. В начале ее болезни, после того как мы узнали, что это рак, она начала учить меня вести домашнее хозяйство и передала мне бразды, когда сама больше не могла этого делать. К тому времени, когда она умерла, у меня было все, вплоть до науки; она была очень, очень хорошим учителем. Так что эта часть обучения была легкой. Но, как и в случае со мной, папа не мог заставить себя впустить в свою жизнь новую женщину. Его сердце просто не позволяло ему этого сделать - и, поверь мне, он пытался. Результаты были катастрофическими, поэтому он прекратил. Остались только он и я. Я была подростком, когда поняла, что папа все время казался беспокойным и рассеянным. Сначала я этого не поняла, но лампочка в моей голове наконец-то включилась. К тому времени, когда мне исполнилось восемнадцать, я поняла, что, хотя он и не мог заставить себя встречаться с другими женщинами, у него все еще были потребности. Сексуальные потребности. И я была единственной женщиной рядом. И он был единственным мужчиной в моей жизни. Я была так занята хозяйством и присматривала за ним, что у меня на самом деле не было ничего, даже отдаленно напоминающего социальную жизнь, забудь о личной жизни. ОН был моей жизнью. И я была искренне рада этому, не думай иначе ни на секунду! Поэтому я задумалась. Почти во всех отношениях, кроме одного, я жила со своим отцом как его жена. Мы вместе ели нашу еду, которую я готовила, я стирала его белье, мы разговаривали, мы... ну, если честно, Конрад, мы жили почти так же, как живем мы с тобой. Незадолго до смерти мама подарила мне альбом с фотографиями, который лежит перед тобой. Она, однако, не дала мне никаких объяснений. В то время она была слишком слаба, а я, вероятно, все равно была слишком мала, чтобы по-настоящему понять. В то время все, что я видела, были просто старые фотографии тех, кто, как я предположила, были членами семьи. Только на свой восемнадцатый день рождения я обнаружила, что перелистываю этот альбом и начала замечать... особенности.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://erolate.com/book/4388/157801>